

САМИЗДАТ ВЕКА: ЛЕОНАРД ДАНИЛЬЦЕВ

Чисто условно сюда, к "васильевцам", можно отнести и поэта Леонарда Данильцева. Лучше всего пишет о нем поэт и его друг Владимир Алейников, которого разрешите процитировать (речь идет о конце шестидесятых): "С Леонардом Данильцевым меня познакомили когда-то Наталья Горбаневская, стихи которой я высоко ценил, и Наталья Светлова, ныне жена А. И. Солженицына. Давно снесли деревянный дом на Трифоновской, где собирались мы тогда, несколько близких по духу людей. Леонард, худой,

поджарый, со светлым огоньком в глазах, легко запрокидывающий крупную голову, со своими рокочущими струящимися интонациями, привычкой как бы подчеркивать, завершать каждую фразу, с его манерой непринужденно и просто держаться, напоминая чувствующего себя своим среди своих шляхтича... Мы сдружились, как теперь выясняется навсегда. Все сложилось само собою. Мы и жили неподалеку друг от друга, и среда была одна... В самом начале семидесятых я прочитал, поразившую меня своей ненавязчивостью, но полнокровной силой и

талантливостью книгу стихов Леонарда Данильцева "Неведомый дом"... Чрезвычайно велика в поэзии Леонарда Данильцева роль музыки, особенно, современной... От себя добавлю, слышал я и первые прозаические опыты Данильцева в стиле Хармса и стихи, в последствии в духе Хлебникова. Леонард - странный человек, совершенный поэт, теперь уже седой, лохматый, всегда в стороне.

ГЕНРИХ САПГИР

* * *

Эти странные птицы:
одна летит прямо, навстречу
другая,
не сказавши друг дружке и
"здравствуй",
поравнялись и мимо летят...
и летят, и летят, и летят.

САШЕ ВАСИЛЬЕВУ

Сражайся в карты, бегай на бега,
хоть вытертым рублем хитри
железку;
стеклянна кружка - пиву берега
и пена бороде - стеклянным
блеском.

Столы горят, и стелется молва,
как сигаретный дым по
лабиринту.
И вспыхивают над столом слова...
Но взгляд блистательный окупит в
пинту.

Изломан блеск в изломанные дни
-
или излом всегда сопутствен
блеску?
В осколках более мерещится
родни
и звона громкого, и радостного
плеску.

Мыслитель лбом, а сердцем -
чуткий пес,
развратник кровью, внешностью
приятель;
тебя к поэтам акушер отнес,
к пропойцам - недовольный
обыватель.

Душа - потемки... или нет души!
Судьбы загадочность - не
выданная форма;
но неба цвет в морях не задушить
ни зыби, ни волнам, ни шторму!

И сердце взяв в кулак, сожмись:
пусть каждый прав.
И трахни по столу: неправы оба!
Он вертится, пятак, не у ковра:
орел иль решка выпадут у гроба.

Как едкие слова упрямы, упадет
на лоб волос промытых прядь
витая;
и ворожба, как с кражи пропадет
и пиво прелой пеною истает.

ПСИХБОЛЬНИЦА N 13

Под белым потолком, средь белых
простынь
подушка белая под головой
Седая голова не бросит тень
на белизну палаты угловой

Палаты как одна: что третья, что
шестая
В линолеум втоптанно шагов - не
счесть,
и каждый шаг рос в голову
шестами:
все отделения больницы - N 6.

Не внемлют окна белые ни стону.
Мучительны снега молчаньем
белых снов.
Среди снегов как тайна: бастионы
больничных корпусов.

Два белых и четыре желтых дома
совместно - желтый дом один...
Брожу по коридорам мажордомом
подушек, покрывал и простынь
господин.

И странно, между прочим, понимаю
зыбь сумасшествий на ладони дня;
где зябким равнодушием стихают,
где буйствуют, рассудком обедняв.

Где архитектор, выстроивший
зданья,
географ где, улыбчив
долготой...
Сестра уколет строго по
заданью,
и психиатр суров, как долото;

лишь по продскладу сердце
психа тает -
ишь: тухлым запахом закабален
каньон!
И в небе белом: караульной
стаей
крапленое в помойке воронье.

Ослабшей голове картины
негативны,
изображения те и не те:
снега за окнами, как темные
гардины,
палаты белые, как гибель в
темноте.

* * *

Подойдет ко мне в больнице
молодой милиционер.
- Разрешите познакомиться,
будущий пенсионер!

С удовольствием вам руку
ни за что я не пожму:
честно: я уже безрукий,
и с рукою не хожу.

- Отчего ж вторую руку
ты на сердце положил?
- Так душою я устроен,
а душа из толстых жил.

- Вот за что тебя в больницу,
страхолюдин, упекли -
на советскую милицию
не смей голос повышать.